

**Н. Б. Тер-Акопян**

**ТРУД Ф. ЭНГЕЛЬСА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ,  
ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА»  
И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ  
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

Прошло столетие со времени выхода книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Столетие бурного развития человечества. Столетие стремительного роста знаний и великих свершений науки. Но хотя современной науке известно неизмеримо больше о доклассовом обществе, чем во времена Ф. Энгельса, и она владеет несравненно более тонкими и точными методами исследования, чем те, которыми владели современные Энгельсу ученые, мы по-прежнему выверяем ее поступательное движение по тем исходным принципам, которые были заложены Энгельсом. Его книга оказалась не только итогом и обобщением накопленных к тому времени знаний, но и долговременной программой исследований, предопределившей пути дальнейшего развития науки. Она была, по определению В. И. Ленина, одним из «основных сочинений современного социализма»<sup>1</sup> и, таким образом, была нацелена на будущее. И действительно, проблемы, поднятые в книге, теперь, как и сто лет назад, находятся в центре научных споров, являются предметом острой социально-политической и идеологической борьбы. Поэтому целесообразно не только рассмотреть этот труд в свете развития марксизма, но и напомнить о том историческом и политическом контексте, в котором возникла книга, и о том, что именно побудило Энгельса обратиться к истокам институтов, которые идеологи буржуазии провозгласили извечными и священными основами всякого общества — индивидуальной семьи, частной собственности и государства. Между тем в их буржуазном воплощении они были орудием угнетения пролетариата и всех трудящихся классов и являлись препятствием к установлению строя социальной справедливости.

Позиция основоположников научного коммунизма в отношении этих буржуазных институтов была сформулирована еще в начальный период их деятельности в написанных Ф. Энгельсом в конце 1847 г. «Принципах коммунизма», а также в «Манифесте Коммунистической партии». В этих документах на первом месте, в соответствии с его значением, стоял вопрос о частной собственности, уничтожение которой являлось «самым кратким и наиболее обобщающим выражением... преобразования всего общественного строя»<sup>2</sup>. Этот вывод Маркса и Энгельса был основан на анализе современного им состояния собственности, а также на вычленении ряда ступеней ее исторического развития. Однако они еще не располагали данными о возникновении частной собственности из разложения общей.

Еще меньше было известно тогда науке о возникновении и развитии различных форм семьи и брака. Тем не менее материалистическое понимание истории и диалектический метод позволили Марксу и Энгельсу показать несовместимость буржуазной формы семьи с будущим коммунистическим обществом. Моногамная семья в буржуазном обществе «находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции»<sup>3</sup>. Поскольку эти явления несомненно от-

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

<sup>2</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 330; ср. с. 331—334, 438, 440.

<sup>3</sup> Там же, с. 443; ср. с. 337.

падут с преобразованием общества, видоизменится и сама форма семьи. Таков был ход рассуждений в «Манифесте Коммунистической партии» и в «Принципах коммунизма».

Историзм в постановке проблемы семьи и брака выразился в открытии связи этих институтов с определенной ступенью развития собственности, а именно с буржуазной ее формой. Тем самым была исторически конкретизирована одна из ступеней развития семьи.

В непосредственной связи с преобразованием семьи рассматривался в обоих документах и вопрос об условиях перевоспитания будущих поколений, вопрос о воспроизводстве самих производителей<sup>4</sup>. Уже здесь, таким образом, ставится вопрос о двоякого рода производстве, который позднее в Предисловии к «Происхождению семьи, частной собственности и государства» Энгельс рассматривает применительно к ранним эпохам человеческой истории<sup>5</sup>.

Чрезвычайно важным было также рассмотрение в «Принципах» и в «Манифесте» вопроса о государстве. После победы революции должно было установиться политическое господство пролетариата для осуществления преобразования общества. В «Принципах» Энгельс прямо писал: «Стоит только произвести первую радикальную атаку на частную собственность, и пролетариат будет вынужден идти все дальше, все больше концентрировать в руках государства» всю экономику<sup>6</sup>. В управлении производством принцип конкуренции должен смениться принципом ассоциации. В результате преобразования общества возникнет всеобщая ассоциация, «в которой свободное развитие каждого является условием развития всех»<sup>7</sup>.

Историзм постановки вопроса о государстве выразился в четком определении связи его существующей формы с определенной ступенью развития собственности, а именно капиталистической собственностью. Он выразился также в самом выводе о возможности и необходимости преобразования государства. Но для рассмотрения предшествующих ступеней развития государства и тем более процесса его возникновения наука не располагала еще необходимыми данными.

Эту исходную концепцию семьи, частной собственности и государства отделил от предпринятого Энгельсом исторического исследования процесса их происхождения почти три с половиной десятилетия. Опыт двух революций, возникновение организованного рабочего движения, объединенного Интернационалом, позволили Марксу и Энгельсу сделать решающие шаги в развитии своего учения. В этот промежуток времени была разработана теория диктатуры пролетариата, была открыта тайна прибавочной стоимости и создан «Капитал», было положено начало изучению общинного строя на примере различных сохранившихся его форм и стадий развития в Индии, России и других странах. Была решена загадка возникновения земельной частной собственности из разложения общинной и накоплен материал по другим вопросам истории ранних ступеней человеческого общества. Этим были созданы научные предпосылки для предпринятого Энгельсом исследования. Его книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства» является блестящим примером органического развития марксизма в области истории. Но прежде чем обратиться к ее содержанию, осветим кратко ту борьбу, которая шла в рабочем движении по вопросу о государстве в 70-е годы прошлого века. Борьбу, которая сделала исследование Энгельса особенно необходимым.

После восстания Парижской Коммуны вопрос о государстве перестал быть чисто теоретическим и приобрел непосредственно политическое и практическое значение. Он стал предметом споров в среде рабочих и революционных партий, и его правильное решение имело

<sup>4</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 335—336; ср. с. 443—444.

<sup>5</sup> Там же, т. 21, с. 26.

<sup>6</sup> Там же, т. 4, с. 333.

<sup>7</sup> Там же, с. 447; ср. с. 330, 336.

определяющее значение. В Интернационале Марксу и Энгельсу и их соратникам пришлось вести борьбу против возглавляемых М. Бакуниным анархистских группировок, которые выступали за немедленное уничтожение государства после победы пролетарской революции. Вскрывая несостоятельность подобной точки зрения, Энгельс в работах, написанных совместно с Марксом, в устных выступлениях, письмах и статьях указывал на необходимость сохранения политического авторитета, политической власти после революции, а также постоянного существования определенной организации для управления экономикой. Особенно четко эти новые моменты в марксистской теории государства сформулированы в статье Энгельса «Об авторитете», написанной в 1872 г. Энгельс показывает, что требование анархистов об отмене авторитарного политического государства «одним ударом» уже потому неприемлемо, что оно неосуществимо без уничтожения социальных отношений, его породивших. Кроме того, даже после ликвидации классовых отношений отпадут лишь политические функции государства, т. е. ... общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами»<sup>8</sup>. Сохранение этих функций связано с обнаруживающейся в развитии производства тенденцией «все больше заменять разрозненные действия комбинированной деятельностью людей». «Таким образом,— продолжает Энгельс,—...комбинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?»<sup>9</sup>. Показав на ряде примеров немыслимость подобной организации, Энгельс формулирует затем свой общий вывод о том, что, «с одной стороны, известный авторитет, каким бы образом он ни был создан, а с другой стороны, известное подчинение, независимо от какой бы то ни было общественной организации, обязательны для нее при тех материальных условиях, в которых происходит производство и обращение продуктов»<sup>10</sup>. Итак, анализ проблемы государственной власти, предпринятый Энгельсом, раскрыл не только связь ее с организацией производства, но и тенденцию, в соответствии с которой пролетариат должен определять свое отношение к государству после победоносной революции.

Эта положительная сторона государственной организации была, очевидно, одной из причин ее возникновения. Именно на этот момент обращает внимание Энгельс, poleмизируя с прудонистами в одной из статей серии «К жилищному вопросу» (1872—1873 гг.). «На известной, весьма ранней ступени развития общества,— отмечает Энгельс,— возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычае, становится затем *законом*. Вместе с законом необходимо возникают и органы, которым поручается его соблюдение — публичная власть, государство»<sup>11</sup>. В этом высказывании Энгельс не только отмечает функции государства в экономической сфере, но и характеризует ее как один из источников происхождения государства. Это обстоятельство косвенно является еще одним подтверждением того, что в будущем, когда отпадут политические функции государства, контрольные и организующие функции сохранятся. Но тогда это, собственно, уже и не будет государством в прежнем смысле слова. Об этом пишет Энгельс спустя два года, когда он, вместе с Марксом, подвергает критике проект Готской программы Социал-демократической партии Германии. Энгельс в письме (март 1875 г.) к одному из ее руководителей — Бебелю, в числе ряда ошибочных положений, включенных в проект как уступки лассальянству, указывает и на пункт о так называемом «свободном народном государстве». Подчеркивая нелепость такой формулировки, Энгельс

<sup>8</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 305.

<sup>9</sup> Там же, с. 302, 303.

<sup>10</sup> Там же, с. 304.

<sup>11</sup> Там же, с. 272.

ссылается на пример Парижской коммуны и предлагает от своего и Маркса имени определять будущее общество словом «*Gemeinwesen*», означаящим «коммуна»<sup>12</sup>.

Все эти новые моменты в теории и истории государства, а точнее в теории управления обществом, были обобщены Энгельсом в работе «*Анти-Дюринг*». Именно в этом произведении были рассмотрены проблемы развития экономики и классовообразования, процесс обособления функций и соответственно органов управления от общества, два пути классовообразования, отмечен, наконец, вопрос о превращении политического управления людьми в распоряжение вещами и в руководство процессами производства<sup>13</sup>.

В новых исторических условиях, сложившихся в последней трети прошлого столетия, уточнения и конкретизации требовали и некоторые другие вопросы теории, рассматривавшиеся раньше лишь в самом общем виде. Дать на них более полные ответы можно было только при условии целостного рассмотрения всемирной истории, в том числе и доэксплуататорских стадий развития человеческого общества. Вероятно, этим обстоятельством и объясняется обращение Маркса и Энгельса к проблемам первобытной истории.

К первобытной эпохе Маркс и Энгельс обращались уже в своих ранних произведениях, и концепция первобытной истории являлась составной частью их теории всемирной истории уже в «*Немецкой идеологии*» (1845 г.). В 50—60 гг. они занимались проблематикой первобытного общества в ходе своих исследований, посвященных другим вопросам. Особенно важны в этой связи работы по политической экономии. Выясняя происхождение того или иного экономического явления, Маркс и Энгельс нередко доводили анализ до самых ранних ступеней существования человеческого общества. Занятиям Маркса и Энгельса первобытной историей и развитию их взглядов в этой области мы посвятили специальные исследования<sup>14</sup>, здесь же ограничимся кратким упоминанием важнейших результатов, достигнутых ими еще до ознакомления с открытиями Г. Моргана.

Маркс и Энгельс установили специфическое отличие человека от животного, выражающееся в особой, присущей исключительно человеку, форме труда, неотъемлемой стороной которого является сознательное целеполагание. Они не только рассмотрели труд как процесс, протекающий между природой и человеком, как процесс производства необходимых жизненных средств, но и как деятельность, с помощью которой человек выделился из мира животных. Тем самым были заложены основы теории антропосоциогенеза, в которой социальный фактор рассматривался как решающий в становлении человека.

Маркс и Энгельс обрисовали основные черты экономики первобытного общества. Они пришли к выводу о том, что общая собственность и коллективное ведение хозяйства были основой первобытной общины. Они установили также, что, вопреки мыслителям эпохи Просвещения, вовсе не «дикарь-одиночка» был субъектом исторического процесса, а община первобытных людей. Они доказали, что образ дикаря-одиночки — лишь проекция буржуазного Робинзона на полотно древнейшей истории.

Анализируя различные формы первобытного хозяйства, Маркс и Энгельс разработали основные критерии периодизации развития первобытного общества. Особенно много внимания Маркс и Энгельс уделяли изучению общины на примере тех ее форм, которые сохранились в классовом обществе. Они установили различные стадии развития

<sup>12</sup> Там же, т. 19, с. 5; ср. т. 34, с. 103—104.

<sup>13</sup> Там же, т. 20, с. 270; ср. с. 151—152, 183—184.

<sup>14</sup> См.: Тер-Акопян Н. Б. Фридрих Энгельс о проблеме становления человека. — Сов. этнография, 1976, № 6; его же. Подход Маркса и Энгельса к истории первобытного общества и некоторые вопросы теории Моргана. — Там же, 1980, № 5; его же. Развитие взглядов Карла Маркса на первобытное общество. — Сов. археология, 1983, № 4; его же. Первобытная история в трудах классиков марксизма-ленинизма. — В кн.: История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. М.: Наука, 1983, с. 126—145.

земледельческой общины и заложили основы исторической типологии общин.

Однако внутриобщинные связи Маркс и Энгельс рассматривали преимущественно с точки зрения экономики. Семейные и иные отношения в общине не были предметом специального исследования. Внутренняя социальная структура первобытной общины оставалась нераскрытой. Они характеризовали первобытный коллектив только в целом, как «естественно-сложившийся коллектив», представлявший ту «*природную определенность*», тот «*исходный пункт*», с которого начинается история<sup>15</sup>.

Можно с известной долей вероятности предположить, что для анализа внутренней структуры первобытной общины Маркс и Энгельс не располагали тогда надежными данными, а распространенные представления о моногамной семье как исходной социальной единице противоречили их общей концепции. В пользу такого предположения свидетельствует ряд их высказываний, несовместимых с господствовавшими представлениями. Так, в одном из примечаний к работе «К критике политической экономии» Маркс писал: «...первоначальная форма семьи есть сама родовая семья, из исторического разложения которой только и появляется частная семья»<sup>16</sup>. Указание Энгельса на различные формы группового брака у ирландских кельтов<sup>17</sup>, а также основанный на сравнении данных о тлинкитах и германцах вывод о том, что степень распада кровных связей позволяет судить о степени развития первобытного общества точнее, чем конкретный способ производства жизненных средств в этом обществе<sup>18</sup>, дают основание утверждать, что мысль Энгельса развивалась в том же направлении.

Открытие Морганом рода давало возможность восполнить важное недостающее звено в марксистской концепции первобытного общества. Именно открытие рода позволяло конкретизировать понятие «естественно-сложившегося коллектива», раскрыть принципиально иную социальную структуру, чем известные до тех пор, определить основные характеристики и законы движения первобытной общественной формации. Оно являлось, как подчеркивали Маркс и Энгельс, ключом к первобытной истории. В составленном Марксом конспекте книги Морган, в выпусках из других книг по первобытной истории Маркс неизменно подчеркивал решающее значение рода<sup>19</sup>. Смысл кратких замечаний Маркса развертывает Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», представляя исследование родового строя как совокупность ряда открытий, исходной точкой для которых послужил анализ систем родства<sup>20</sup>.

Тайна «естественно-сложившегося коллектива» была раскрыта. Рассматривая этот коллектив в полном соответствии с высказыванием Маркса как «*природную определенность*», с которой «начинается история»<sup>21</sup>, Энгельс следующим образом охарактеризовал ее соотношение с решающим социальным фактором — трудом: «Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей». В конце концов рост производства приводит к разложению старого родового общества<sup>22</sup>.

Эта общая закономерность развития родового строя, аналогичная закону соответствия производственных отношений уровню производительных сил, но не полностью с ним совпадающая (поскольку отношения родства составляют как бы оболочку производственных отношений, однако к ним не сводятся), не всегда прослеживается на примере от-

<sup>15</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 47, 462.

<sup>16</sup> Там же, т. 13, с. 37 (прим.).

<sup>17</sup> Там же, т. 16, с. 512.

<sup>18</sup> Там же, т. 35, с. 103.

<sup>19</sup> Там же, т. 45, с. 375, 378, 398, 432.

<sup>20</sup> Там же, т. 21, с. 26, 46, 47, 86.

<sup>21</sup> Там же, т. 46, ч. I, с. 47, 462.

<sup>22</sup> Там же, т. 21, с. 26.

дельных обществ в силу особенностей исторического процесса на стадии первичной, или архаической, формации. Общие черты ее охарактеризовал Маркс в своих «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич». Здесь, в частности, показано, что социальное развитие в эту эпоху носит прерывистый характер. Отдельные его этапы образуют пласты, на которые наслаиваются все новые исторические отношения. Преемственность между этапами является скорее исключением, чем правилом, она реализуется лишь в отдельных «точках роста» первобытного общества. Связи между отдельными обществами, существовавшими синхронно, носили спорадический характер. Общества были миниатюрными, часто их границы совпадали с границами отдельных общин. Достижения таких обществ исчезали вместе с их гибелью. Поэтому развитие прокладывало себе путь как бесконечное множество повторений. В конечном итоге возникли устойчивые социальные связи и отношения родового строя, а также общинная организация, порой объединявшая крупные системы общин.

Переход ко вторичной формации совершился не во всех регионах мира. Энгельс обратил на это внимание еще в «Анти-Дюринге»<sup>23</sup>. Рубеж между формациями, переход одной в другую характеризуется не только тем, что именно сохраняется в качестве предпосылок и условий дальнейшего развития, но и тем, что гибнет, освобождая путь для этого развития. Гибнущие компоненты в отличие от тех, которые переходили в следующую формацию, не были способны к самостоятельному существованию, но без них исчезало и все старое общество как таковое. При переходе от первичной ко вторичной формации распались родовые связи и разрушились первобытные общины. Продуктивным, творческим этот процесс был лишь в небольшой части ойкумены, где началось быстрое развитие социальных отношений, присущих вторичной формации. Часть архаических обществ погибла бесследно, другая продолжала существовать, как бы выпадая из процесса развития и постепенно деформируясь в новых условиях. В ряде случаев такие деформированные общества были довольно крупными по своим размерам и занимали обширные территории.

Описанный выше общий характер исторического процесса в первобытную эпоху столь сложен, что его изучение являлось во времена Маркса и Энгельса и является теперь одной из самых трудных задач, стоящих перед наукой. Решение этой задачи предполагает комплексный подход с использованием данных и методов как естественных, так и гуманитарных наук<sup>24</sup>. Но ни одна самостоятельная научная дисциплина не может изучать свой объект, не создавая с самого начала его обобщенной картины. С такого обобщения собственно и начинается самостоятельная жизнь науки. Наука о первобытном обществе сложилась в третьей четверти прошлого столетия. Именно тогда появились первые обобщающие труды И. Бахофена, Дж. Леббокка, Дж. Мак-Леннана, Г. Мейна, и, наконец, Л. Г. Моргана. Для своего времени они также фактически осуществляли комплексный подход, учитывавший данные этнографии, археологии, антропологии, языкознания и исторических источников. При этом они опирались на достижения геологии и эволюционной биологии. Но из всех названных выше авторов только Морган нащупал те существенные социальные отношения, которые составляли специфическое отличие первобытного общества, по крайней мере в пору его расцвета, и сумел показать связь отношений родства с развитием экономики. Отсюда — столь высокая оценка его труда Марксом и Энгельсом.

<sup>23</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 186. Энгельс говорит здесь о переходе к рабовладельческому строю, который Маркс впоследствии рассматривал как один из этапов вторичной формации.

<sup>24</sup> О состоянии современного аппарата исследования см. например: Этнография как источник реконструкции первобытного общества. М.: Наука, 1979; *Периц А. И., Шнирельман В. А.* Источниковедение первобытной истории. — В кн.: История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. М.: Наука, 1983, с. 33—93. *Naroll R., Cohen R. (Ed.) A Handbook in Cultural Anthropology.* N. Y., 1973.

Таким образом, наука о первобытном обществе достигла в 1870-е годы определенной ступени зрелости — как раз тогда, когда социальное и политическое развитие европейских стран и в особенности прогресс рабочего движения настоятельно требовали дальнейшего развития революционной теории исторического материализма. Этим определялись, как уже отмечалось выше, интенсивные занятия Маркса и Энгельса историей первобытного общества и сопряженными с ней проблемами. Отсюда же задуманное Марксом и осуществленное Энгельсом намерение обобщить свои результаты в специальной работе, опираясь на высшие достижения науки того времени<sup>25</sup>.

Энгельс ознакомился с составленным Марксом конспектом книги Моргана в январе 1884 г., а спустя некоторое время и с самой книгой. Придавая исключительно большое значение затронутым в ней проблемам, он откладывает другие дела и садится в конце марта за написание своей работы. Она была создана в чрезвычайно короткий срок — меньше двух месяцев. В мае рукопись «Происхождение семьи, частной собственности и государства» была уже у издателя, а в начале октября того же года книга вышла из печати. Энгельс сам высылает первые экземпляры видным деятелям социалистического движения, заботясь о распространении книги в рабочей среде.

Одним из вопросов, вынесенных Энгельсом в заглавие его книги, был вопрос о происхождении семьи, занимающий более трети ее объема. Для рабочего класса и для всего общества в целом это была одна из наиболее острых социально-политических проблем. И сегодня она остается острой даже в самых развитых капиталистических странах. Прогрессивная представительница американской науки Э. Ликок пишет о характерном для сегодняшнего американского общества крайнем социальном «отчуждении» женщин, при котором их способность рожать превращена в обязанность, а их труд из социально необходимого преобразовался в личное услужение в рамках семьи. Она посвящает несколько страниц в своем «Введении» к книге Энгельса проблеме консолидации женского движения в Соединенных Штатах<sup>26</sup>.

О том, чем была буржуазная семья, основанная «на капитале, на частной наживе», Маркс и Энгельс писали уже в «Манифесте Коммунистической партии»<sup>27</sup>. Они указывали, что бесправие женщин ложилось страшным бременем прежде всего на неимущие классы, ибо буржуазная моногамия дополнялась публичной проституцией за их счет. Но в своей книге Энгельс поставил перед собой задачу показать возникновение моногамии, проследив весь путь ограничения общения полов от гипотетической стадии промискуитета через различные виды группового брака к парному браку и, наконец, моногамии. Переход к каждой объективно более высокой ступени брака совершался под влиянием изменений в производительных силах общества и сопровождался, как правило, все большим ухудшением положения женщин: от гипотетического первоначального матриархата до отмены «материнского права», последовавшего за первым крупным разделением труда и выделением скотоводов. Энгельс показал при этом взаимосвязь и взаимодействие родовой организации и различных форм семьи в ходе исторического развития. Он пришел к заключению, что достигнутая ценой порабощения женского пола форма брака исчезнет вместе с уничтожением капитализма. Энгельс предсказывает, что со временем в коммунистическом обществе единственным регулятором брачных и семейных отношений станет любовь<sup>28</sup>.

Подход Энгельса к конкретному материалу, на основе которого строилась схема исторического развития семьи, был чрезвычайно осто-

<sup>25</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 25.

<sup>26</sup> Leacock E. B. Introduction.— In: Engels F. The Origin of the Family, Private Property and the State. N. Y., 1972, p. 40, 41, 43—46.

<sup>27</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 443.

<sup>28</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 85. Подробнее анализ высказываний Ф. Энгельса см.: Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974, с. 266—279.

рожным. Предвидя открытие новых фактов и возможность изменения концепций, он формулировал свои мысли так, чтобы оставить простор для дальнейших научных поисков<sup>29</sup>. Поправки Энгельса к четвертому изданию его книги свидетельствуют о том, насколько внимательно он следил за развитием науки и отбирал все ценное для совершенствования своей концепции. Он частично заменил термин «пуналуа» на «групповой брак», поскольку наряду с семьей «пуналуа» появились сведения о других формах группового брака. Позднее оказалось, что сведения о семье пуналуа были вообще недостоверными. Он использовал и новые данные М. М. Ковалевского о развитии семьи, а также поддержал идею австраловедов Л. Файсона и А. Хаунта относительно того, что орду, в которой господствовал промискуитет, сменила не кровнородственная семья, а организация из двух экзогамных брачных классов<sup>30</sup>. В этой концепции уже содержался зародыш идеи дуально-родовой организации, восторжествовавшей в современной науке.

В развернувшейся с конца прошлого века критике концепции Морган и в частности его схемы развития семьи, было два течения. Одно — откровенно тенденциозное, отстаивавшее «ценности» буржуазного мира. Сторонники этого течения в конце концов потерпели поражение<sup>31</sup>. Другое течение пошло по пути, который предвидел Энгельс: на основе выявленных существенно новых фактов в схему Морган были внесены важные коррективы<sup>32</sup>. Впрочем, споры по этим вопросам продолжаются до сих пор. Некоторые ученые полагают, что существование матрилинейной и патрилинейной системы отсчета родства у различных этносов ставит под сомнение факт перехода первой во вторую. Между тем, науке теперь, как и в прошлом веке, известны конкретные случаи перехода от матрилинейной к патрилинейной системе отсчета, но не известен ни один обратный случай<sup>33</sup>.

Сравнительно недавно, в 1960—1970-х гг., развернулась также дискуссия относительно характера племени как формы организации общества. Как показали материалы многих исследований, племена в самых различных районах мира часто представляют весьма аморфные объединения, не имеющие той четкой организации власти, которую наблюдали у ирокезов Морган и другие исследователи<sup>34</sup>. Не исключено, что организация ирокезов сложилась в какой-то мере под воздействием контактов с колонизаторами<sup>35</sup>. Но, во-первых, это требует более основательных доказательств: ведь в сфере влияния колонизаторов находились зачастую и те племена, у которых организация власти была выражена значительно слабее. Во-вторых, достаточно много примеров племен, где подобная организация власти имела. Об этом же свидетельствует и формальное воспроизведение племенного строя в структуре античных государств.

В целом различные определения племени, выдвигавшиеся в ходе дискуссии, свидетельствуют о методологических недостатках в подходе к этому явлению, особенно об отсутствии историзма<sup>36</sup>. Между тем, Энгельс

<sup>29</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 28, 37.

<sup>30</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 47—50. Подробнее см.: Винников И. Н. Четвертое издание книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Опыт текстологического анализа).— Вопросы истории доклассового общества (Труды Ин-та антропологии, археологии и этнографии, т. IV). М., 1936, с. 31—192.

<sup>31</sup> White L. The Concept of Evolution in Cultural Anthropology.— Evolution and Anthropology: a Centennial Appraisal. Washington, 1959.

<sup>32</sup> См. подробнее: Семенов Ю. И. Указ. раб.

<sup>33</sup> Fluehr-Lobban C. A Marxist Reappraisal of the Matriarchate.— Current Anthropology, v. 20, № 2, 1979, p. 346—357; Cp. Tylor E. B. On a Method of Investigating the Development of Institutions: Applied to Laws of Marriage and Descent.— Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 18, 1889, p. 245—269.

<sup>34</sup> См. подробнее: Fried M. The Notion of Tribe. Menlo Park, California, 1975.

<sup>35</sup> Воздействие на экономику ирокезов было беспорочным. Cp. Hunt G. T. The Wars of the Iroquois. A Study in International Trade Relations. Madison, 1960.

<sup>36</sup> О дискуссии см. подробнее: Шнирельман В. А. Проблемы доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии.— В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, с. 207—252.

в своей работе проводит различие между первоначальным племенем, которое в терминологии современной науки можно было бы обозначить как этническую общность<sup>37</sup> и более поздним объединением, в котором выкристаллизовались функции управления. Детальная разработка понятия «этнос» советскими учеными позволила рассматривать племя и как этническую общность, и как социально-потестарный организм, а также выделить определенные стадии его развития<sup>38</sup>.

Следующая проблема, вынесенная Энгельсом в заглавие книги — происхождение собственности. Речь здесь идет не только о буржуазной собственности, ибо ее возникновение было рассмотрено Марксом и Энгельсом ранее как в фундаментальных трудах, так и во многих произведениях, адресованных широкой рабочей аудитории, но и о генезисе частной собственности вообще. Речь шла также о возникновении общей собственности, развитии и разложении различных ее форм. Единственный в Европе большой массив такой собственности в виде общинной собственности крестьян, сохранившийся в России, был на пороге уничтожения. В Западной Европе происходил процесс вытеснения частной собственности, основанной на личном труде, крупной капиталистической собственностью<sup>39</sup>. Народы, у которых развитие капитализма зашло особенно далеко, стремились, как отмечал Маркс, лишь к тому, «чтобы разбить его оковы, заменив капиталистическое производство производством кооперативным и капиталистическую собственность — *высшей формой* архаического типа собственности, т. е. собственностью коммунистической»<sup>40</sup>. Попытаться сохранить эту форму собственности там, где она существует, или регенерировать общинные традиции в сельском хозяйстве в новых условиях в Западной Европе после победы рабочего класса — такая задача объективно стояла перед пролетарскими революционерами<sup>41</sup>. Именно в связи с нею Энгельс опубликовал в 1882 г. свое сочинение о немецкой общине-марке и рассматривал эту проблему в ряде других своих произведений<sup>42</sup>.

Проблему развития общей собственности и ее последующего разложения Энгельс в своей книге анализирует в тесной связи с эволюцией общинно-родового строя. Рассматривая последовательные фазы развития первобытного общества, Энгельс вычленяет три основные формы хозяйства и связанные с ними формы общей собственности: 1) Первобытное коммунистическое общее домашнее хозяйство, возникшее в эпоху господства материнского права и сохранившееся до расцвета средней ступени варварства<sup>43</sup>. Размеры семейной общины на этой стадии были различными в зависимости от местных условий. 2) Патриархальная домашняя, или большая семейная, община, объединяющая несколько поколений под высшим управлением одного старейшины<sup>44</sup>. Обработка земли велась сообща, потребление обеспечивалось из общего запаса. Род и племя еще сохраняли за собой верховное право распоряжения землей<sup>45</sup>. 3) Сельская община или община-марка. На этой последней стадии в общину начинает проникать частная собственность.

Энгельс оперирует здесь всем имевшимся тогда в его распоряжении материалом, относившимся к самым различным периодам и к разным народам. Так, иллюстрацией ко второй из перечисленных выше форм служит задруга южных славян. На многие вопросы тогда (как впрочем и сейчас) наука еще не могла дать ответа. Самой важной среди нерешенных проблем была проблема гибели древнегерманской общины, а точ-

<sup>37</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 97—99.

<sup>38</sup> Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1982, с. 105—107, 143—145.

<sup>39</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 250—251.

<sup>40</sup> Там же, с. 413.

<sup>41</sup> Там же, с. 344; ср. т. 37, с. 381.

<sup>42</sup> Там же, т. 19, с. 327—345.

<sup>43</sup> Там же, т. 21, с. 43, 53, 139.

<sup>44</sup> Там же, с. 62—63, 121, 140.

<sup>45</sup> Там же, с. 93, 97, 121.

нее ее трансформация на рубеже первого тысячелетия. Энгельс, как и Маркс, располагал лишь описаниями Цезаря и Тацита, разделенными полутора столетиями. Эти документы фиксировали начало и конечный результат процесса трансформации<sup>46</sup>. Лишь современная наука, опираясь на ряд новых данных, в том числе археологических, несколько продвинулась в решении этого вопроса. Особенно значительный вклад в анализ проблемы внесли ученые ГДР<sup>47</sup>.

Исследование Энгельса было первой попыткой показать с позиций исторического материализма эволюцию форм собственности с самых ранних ступеней развития человеческого общества и до возникновения классов. Его книга предопределила направление дальнейших исследований на столетие вперед.

Еще одна проблема, обозначенная в названии книги, — проблема происхождения государства, была столь же актуальна, как и две другие, но отличалась еще большей политической остротой.

Без фундаментального исследования происхождения государства нельзя было, как уже говорилось, успешно вести борьбу против распространения в рабочей среде анархистских и иных взглядов, нельзя было четко определить позицию революционной пролетарской партии в этом вопросе.

Энгельс рассмотрел в своей книге, как известно, три примера возникновения государства — древнегреческого, римского и государства у германцев. Такой выбор был не только следствием слабой изученности государств Древнего Востока и других регионов, но объяснялся также органичностью и наглядностью указанных примеров. Античные и раннесредневековые государства оказали и непосредственное и опосредованное культурное влияние на все развитие европейской государственности, а ведь именно европейским рабочим была в первую очередь адресована книга Энгельса. Здесь Энгельс мог в большей мере, чем в других вопросах, опираться на конкретную историю, на последовательный ряд событий и рассмотреть целый период истории. Другое дело, что европейскими примерами отнюдь не исчерпываются все пути классовообразования и возникновения государства. Высказывания Маркса и Энгельса о различных вариантах этих процессов в других регионах, содержащиеся в «Анти-Дюринге», «Капитале» и других произведениях, послужили основой для многих конкретных исследований<sup>48</sup>.

В своей книге Энгельс исследовал не только процессы образования классов и государства, не только развитие политического аппарата, органов управления, но и развитие классовой борьбы, а также сущность и историческое место основных докапиталистических форм эксплуатации. Он в определенной мере осветил также влияние эксплуататорского строя на духовное развитие и моральный облик людей. Энгельс создал первый труд по теории и истории государства, основанный на конкретном историческом материале. С этой оценкой согласны не только советские историки, но и представители зарубежной науки. В одной из последних работ по истории государства отмечается, например, что Энгельс преодолел простое теоретизирование о проблеме государства и дал «первое доскональное ее исследование», «основанное на данных истории и антропологии»<sup>49</sup>.

Нам заслуга Энгельса представляется еще большей. Ему удалось поднять исторический пласт, который он сам в начале своей книги называл доисторией и предысторией. Отныне это стала тоже история, но не имеющая письменных источников<sup>50</sup>.

<sup>46</sup> Там же, с. 139; т. 19, с. 403.

<sup>47</sup> Beiträge zur Entstehung des Staates/Hrsg. von J. Herrmann und I. Sellnow. 2. Aufl.— Veröffentlichungen des Zentralinstituts für Alte Geschichte und Archäologie der Akademie der Wissenschaften der DDR, Bd. 1, Berlin, 1974.

<sup>48</sup> См., например: Становление классов и государства. Сборник статей. М.: Наука, 1976.

<sup>49</sup> The Early State.— New Babylon Studies in the Social Studies, 32. The Hague, 1976, p. 6.

<sup>50</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 28; т. 4, с. 424 (прим.).

Важно отметить, что весь исторический анализ служил прежде всего одной цели — прогнозу будущего. Регресс в эпоху цивилизации, в эпоху классово-вой борьбы заключался в том, что люди утратили контроль над собственным производством. «Задачей ближайших поколений, — писал Ф. Энгельс, — будет обратное завоевание его, но уже на основе ныне приобретенного могучего господства человека над природой и на основе свободной ассоциации, которая стала теперь возможной»<sup>51</sup>. Таким образом, Энгельс уже на основе исторического исследования вновь подтвердил прогноз марксизма о будущем развитии человеческого общества.

Выше мы сосредоточили внимание исключительно на тех проблемах теории научного коммунизма, анализ которых дал Энгельс в своей книге. Но, разумеется, содержание ее этим отнюдь не исчерпывается. Оно неизмеримо богаче и касается самых различных вопросов исторического материализма и всемирной истории. Энгельс не просто осуществил замысел Маркса и свой о создании работы на основе труда Моргана. Он положил начало теоретической истории первобытного общества, в которой рассмотрел также историю разложения первобытных общин в изменившихся исторических условиях, а именно в рамках рабовладельческой и феодальной формаций. В своем изложении Энгельс использовал, а в большинстве случаев и воспроизвел, наиболее интересные замечания, сделанные Марксом в конспекте книги Моргана. Тем самым эти ценные методологические указания стали достоянием читателей за многие десятилетия до того, как была опубликована рукопись Маркса. Напомним хотя бы одно из них. Маркс замечает по поводу соотношения семьи, формы которой постоянно изменяются в ходе истории, и систем терминов родства, которые лишь пассивно и с запозданием регистрируют происходящие изменения, — «...точно так же обстоит дело с политическими, юридическими, религиозными, философскими системами вообще»<sup>52</sup>.

Одним из неоспоримых достоинств книги Энгельса является обобщение многочисленных частных данных Моргана и других авторов и выведение общих закономерностей ранних этапов всемирно-исторического процесса. Самым ярким примером подобного рода является обобщение моргановской периодизации истории на основе главным образом экономических критериев. По Энгельсу «дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы», «варварство — период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности», а «цивилизация — период овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, период промышленности в собственном смысле этого слова и искусства»<sup>53</sup>.

Энгельс не только обобщал, но и уточнял содержание ряда понятий теории первобытного общества по сравнению с моргановскими. Это касается также понятия рода. В отличие от Моргана, допускавшего возможность распространения родовой организации путем ее заимствования, он считал род социальным институтом, имевшим универсальное значение.

Фундаментальное значение имеет содержащийся в книге анализ рабовладельческого строя и судеб античной цивилизации. Отмечая прогрессивные по сравнению с предыдущими стадиями развития черты рабовладельческого способа производства, Энгельс вскрыл вместе с тем причины ограниченного характера его развития. Они заключались не только в низкой производительности рабского труда, но и в порожденном эксплуатацией рабов презрением свободных к производительному труду. Таким образом, моральный социально-психологический фактор приобрел значение одной из социально-экономических причин упадка античной экономики. Антагонистические противоречия между рабами и рабовладельцами не могли, однако, в условиях античной цивилизации при-

<sup>51</sup> Там же, т. 21, с. 112.

<sup>52</sup> Там же, с. 36.

<sup>53</sup> Там же, с. 33.

вести к упразднению рабства путем революционного насилия. «...Уничтожения рабства победоносным восстанием,— писал Энгельс,— древний мир не знает»<sup>54</sup>.

Анализируя процесс перехода к феодализму в Европе, Энгельс проследил ряд его вариантов, зависевших от конкретных социально-экономических условий отдельных стран, в которых он протекал. В пределах Римской империи его сравнительно быстрым темпам способствовал синтез различных социально-экономических систем, носителями которых являлись, с одной стороны, германские племена, вторгшиеся на территорию империи, с другой — ее коренное римское или романизированное население. Сам переход к новой форме эксплуатации Энгельс охарактеризовал лаконичной формулировкой: «между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин»<sup>55</sup>. Концепция Энгельса, обратившего внимание прежде всего на трансформацию социально-экономических основ античного общества, была существенным шагом вперед по сравнению с современной ему историографией, рассматривавшей преимущественно правовые или этнические аспекты этого процесса.

Самостоятельное значение имеют разделы книги, посвященные родовому строю кельтов и германцев, которые являются обобщением собственных многолетних исследований.

Наконец, исключительно важен анализ противоречивого характера прогресса в классовых обществах, т. е. в эпоху цивилизации. Так как основой цивилизации,— пишет Энгельс,— служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии. Всякий шаг вперед в производстве означает одновременно шаг назад в положении угнетенного класса, то есть огромного большинства<sup>56</sup>.

Цивилизация, сломав узкие рамки родового строя, в то же время нанесла огромный моральный урон людям, изменив их моральный облик, пробудив в них «жадность», «корыстное стремление к грабежу общего достояния», приучив их к неразборчивости в средствах удовлетворения своих низменных побуждений, к воровству, насилию, измене. Между тем, людям родового строя были присущи высокая нравственность, чувство собственного достоинства и прямодушие. Задача воспитания новых поколений в условиях коммунистического преобразования общества, о которой говорилось уже в «Манифесте», получает теперь дополнительное историческое обоснование. Этот процесс создания нового человека включает, таким образом, возрождение на новой основе присущих людям высоких идеалов нравственности.

Ф. Энгельса всегда отличало удивительное умение писать просто, доходчиво и ярко о самых сложных вопросах науки и действительности. Эти достоинства в высокой степени присущи и его замечательной книге, под влиянием которой многие поколения борцов приобщились к высоким идеалам коммунизма.

<sup>54</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 155.

<sup>55</sup> Там же, с. 154.

<sup>56</sup> Там же, с. 99.

**Н. П. Лобачева**

## **ИЗ ИСТОРИИ КАРАКАЛПАКСКОГО ЖЕНСКОГО КОСТЮМА**

**[К проблемам Историко-этнографического  
атласа Средней Азии и Казахстана]**

Работа над Историко-этнографическими атласами народов СССР, проводимая уже много лет Институтом этнографии АН СССР по ряду регионов совместно с Институтами истории Академий наук союзных республик и музеями, ставит перед исследователями вопросы выяснения эволюции, исторической преемственности тех или иных элементов куль-